

K556

48-

К Р О К О Д И Л

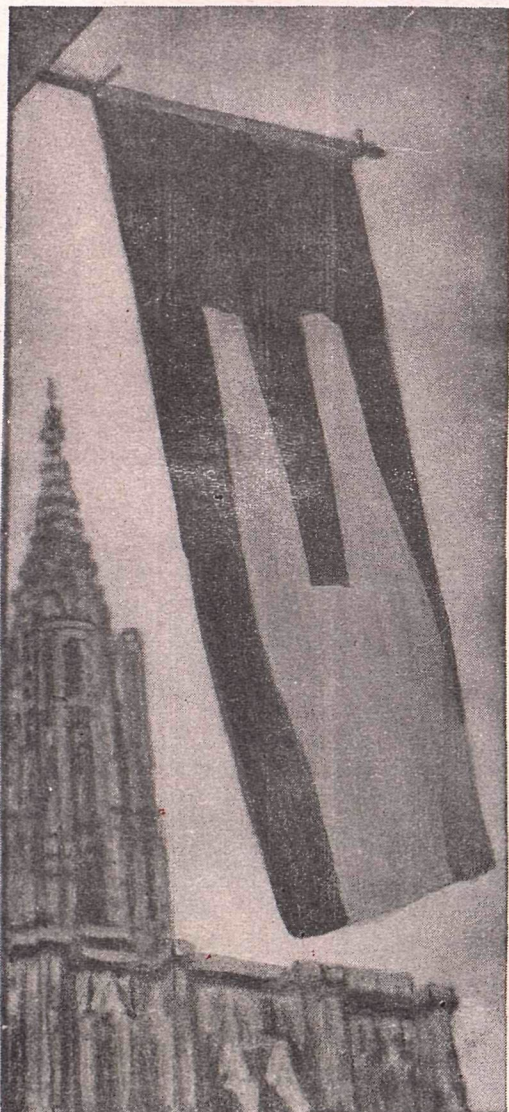

НОВОЕ СОЗВЕЗДИЕ НА МИРНОМ НЕБОСВОДЕ

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

ШТАНЫ СЕНДИС

Этот флаг, изображённый на фотографии, стал известен в Страсбурге под весьма прозаическим названием — «штаны Сендис». Напрасно вы будете искать на карте страну, в которой он является государственным флагом. Страны такой нет, не было и не будет. Изготовлен же флаг по эскизу некоего Дункана Сендис, именующего себя одним из лидеров движения за организацию «Соединённых штатов Европы», конечно, под идейным руководством мистера Черчилля.

Штатов нет и в помине, а флаги уже скроены и развеваются на чердаках Страсбурга!

Флаг, по замыслу автора, представляет то ли эмблему, то ли вензель из двух начальных букв «UE» (Соединённая Европа), втиснутых одна в другую. Причём «Е» — зелёная, а «U» — белая.

Один из корреспондентов, описывая новый флаг, остроумно сказал: «Он наводит на мысль об известной части нижнего белья, тщательно разложенного на зелёной лужайке».

Что ж, эмблема вполне соответствует детичу мистера Черчилля, который носит со своей идеей Соединённой Европы.

Еще маршак...

С. Юрья, Верховинского района, Кировской области
Председателю исполкома райсовета
тов. ШУЛАКОВУ П. В.

Уважаемый тов. Шулаков!

Разрешите отнять у Вас немного времени и побеседовать о языкознании и текущем ремонте жилья. Вы, наверно, удивитесь: что, дескать, общего между двумя такими разными вопросами?

Но, как это ни странно, общее между ними есть.

Пошлите, пожалуйста, в районную библиотеку за третьим томом «Толкового словаря русского языка» под редакцией Н. Д. Ушакова и, открыв его на странице 1281, отыщите слово «растяжимый». «Растяжимый», оказывается, — это предмет, который можно растянуть, например, резина. Кроме того слово «растяжимый» можно принять и в переносном смысле: «растяжимый» значит не имеющий чёткого, безусловного определения. Для большей убедительности в словаре приведён пример: «Это понятие растяжимое».

Теперь разрешите изложить нам суть второго вопроса. Речь пойдёт о ремонте дома в д. Кукушкино, Скутинского сельсовета. В этом доме живёт с двумя несовершеннолетними детьми вдова, мать солдата Анна Антоновна Белозёрова. Вы эту женщину, наверно, хорошо помните. Её сын, солдат Советской Армии, давно уже ведёт с Вами оживлённую переписку.

Впервые тов. Белозёров обратился в исполком в июле прошлого года и получил ответ от Вашего предшественника тов. Сысолятина. Надо отдать должное тов. Сысолятину: его ответ хоть и был не совсем приятным, но зато, безусловно, определённым. Его никак нельзя понять или истолковать по-разному. Солдату было отвечено: «Семья Ваша состоит из отца, матери, двух братьев, дом в ремонте не нуждается, и поэтому никакой помощи от исполкома не требуется».

На второе письмо тов. Белозёрова ответили Вы лично. Вы признали Анну Антоновну действительно вдовой, а дом — действительно неисправным и обещали его отремонтировать.

Ваш ответ выгодно отличался от сысолятинского полным отсутствием определённости. Трудно забыть Ваши участливые слова: «Помощь в ремонте будет оказана в скором времени». Эта формулировка вызвала длительную надежду, которой вдова могла жить и день, и месяц, и год, и три. «В скором времени» — это и есть то самое растяжимое понятие, о котором так убедительно рассказано в толковом словаре.

Ответ от Вас солдат Белозёров получил в январе. Прошло уже девять месяцев, а дом его матери, как Вы, вероятно, догадываетесь, до сих пор не отремонтирован. Видите, как можно растягивать не только резину, а и сроки!

Нам думается, тов. Шулаков, что Вы теперь поняли, как много общего между ремонтом жилья и языкознанием. Если нам удалось возбудить у Вас интерес к правильному пониманию слов, тогда на странице 1103 того же третьего тома «Толкового словаря русского языка» Вы можете узнать значение слова «равнодушный».

«Равнодушный» — это значит безразличный, безучастный, лишённый интереса, холодно-спокойный.

А если в часы досуга, свободные от государственных дел, Вы неожиданно почувствуете интерес и к фольклору, то среди пословиц и поговорок обнаружите имеющую непосредственное отношение к нашей беседе и особенно к солдатским письмам. Эта половица гласит:

«Хорошо солдату в постое, если семья у него в покое».

Искренне желаем Вам ввести эту народную мудрость в свой постоянный обиход.

Примите и проч.

Курочка

С МАРШАК

Лондонская газета «Дейли экспресс» опубликовала специальное сообщение из Вашингтона о том, что США готовы продать Англии огромное количество яичного порошка по любой цене.

С большим ножом, забравшись в клеть.

От птицы он отрезал треть
И опечалился немало,
Когда нестись она не стала.

У Джона Булля в дни были
Рябая курочка жила.
Яички курочка несла,
И не простые —
Золотые.

«Не плачь! — промолвил дядя Сам, —
Тебе я в утешенье дам
В кредит и за расчёт наличный
Прекрасный порошок яичный!
Его десятки тысяч тонн
Тебе доставит Вашингтон!»

Приятель Джона, дядя Сам,
Курятину любивший сам,
Сказал: «На что такая птица!
Мы не дадим ей помереть,
Но от неё отрежем треть!»
Джон принуждён был согласиться.

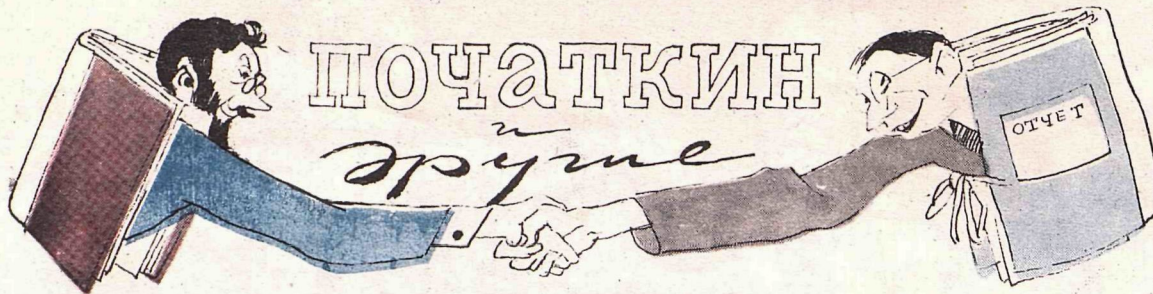
«Благодарю! — воскликнул Джон. —
Но я боюсь, что от эрзаца
Желудки могут отказаться!..
Прошёл по Англии слухок,
Что плохо пахнет порошок.
И тем же самым пахнет как-то
От Атлантического пакта...»

МАЛЫЙ
ТЕАТР

1824—1949

Славный М а л ы й и его большая семья.

БОЛЬШОЙ любитель цветистых и заковыристых выражений, приказчик Початкин из чеховской повести «Три года» не мог изъясняться просто и понятно. К примеру, он так заказывал в трактире язык:

— Вот что, любезный, дай-ка ты нам порцию главного мастера клеветы и злословия с картофельным пюре.

Початкин, видимо, получал огромное удовольствие от того, что ошарашивал своих слушателей таким маловразумительным словотворчеством:

— Соответствие жизни по амбиции личности...

— Всё зависит от волнения кредита...

Прокурор Харьковского района юрист первого класса Сайко едва ли читал чеховскую повесть «Три года» и, наверное, незнаком с Початкиным, иначе

он не стал бы писать контролёру-ревизору по Харьковской области:

«Исходя из вышеизложенного, прошу произвести дополнительную ревизию и документально обосновать, что имело место перерасход сырья, и на основе этого сделать вывод.

Ревизор же не на основе документальных данных сделал выводы, а на основе своего личного ума заключения. В результате этого Прокуратура лишена возможности вопроса разрешить по существу.

Дополнительный материал и его полноту ожидаю к (такому-то числу)».

Из Харькова перенесёмся в Челябинск.

Представьте себе сценку на челябинском рынке. Милиционер

задержал нарушителя общественного порядка и настаивательно поучает:

— Чтoб этого больше не было! Нетo в резиденцию отправлю.

Откуда в милицейском словаре появилась вдруг «резиденция»? Едва ли милиционер произнёс его «на основе своего личного ума заключения». Может быть, он в какой-то книжке случайно вычитал и при случае употребил это иностранное слово? Ничего подобного! Как пишет из Челябинска инженер К. Львов, милиционер абсолютно тут ни в чём не повинен. Оказывается, у входа в отделение милиции не только блюститель порядка, но и любой прохожий может прочесть вывеску:

«Резиденция милиции элеваторного рынка Кировского района г. Челябинска».

Но не в одной челябинской милиции встречаются до сих пор такие граждане, что «словечка в простоте не скажут, все с ужимкой». В магазинах гор. Измаила и сейчас продаются рыбные консервы производства Белгород-Днестровского завода. И называются эти консервы замысловато:

«Севрюга натюрель»

Кстати, подобные «натюрель», «морентон» и «маседуан» и по сей день засоряют названия блюд многих столовых, ресторанов и санаториев. И не только названия блюд, но и деловые бумаги.

Бухгалтер нефтеперегонного завода тов. Облап в своём заявлении пишет:

«Среди атрибутов арбитража нет права давать указания...».

Юрисконсульт украинского треста материально-технического снабжения Министерства нефтяной промышленности письменно утверждает:

«Исходным пунктом для искажения интенции Министерства явилось такое-то обстоятельство...».

Весьма сожалеем, что за дальностью расстояния нет возможности вызвать и потребовать объяснений от заведующего Бакинской перевалочной базой туркменского треста материально-технического снабжения Министерства нефтяной промышленности Миндлина и главного бухгалтера базы Газера. Пусть они попробуют перевести на общепонятный русский язык фразу из подписанного ими официального документа:

«Арбитр подошёл к решению дела академически, без учёта камеральной действительности (государственной дедукции)».

«Камеральная действительность», возможно, — дело не шуточное, но неужели нельзя писать просто, без ужимок и без ущерба для «государственной дедукции»?!

Один из русских писателей ещё в прошлом веке предлагал учредить общественный надзор, чтобы не портили русского языка, и за нарушение штрафовать.

Это дельное предложение не утратило своей остроты и сегодня.

Выражаясь словами Початкина, исходя «из соответствия жизни по амбиции личности», действительно пора учредить постоянный общественный надзор за всеми, кто искажает и портит русский язык.

Надеемся с помощью советских читателей обойтись без всяких штрафов и не прибегать к услугам грозных «резидентов» из милиции.

Е. ВЕСЕНИН

КОЛХОЗНАЯ ПОПРАВКА К А. С. ПУШКИНУ

Рис. В. КОНОВАЛОВА

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Длиннее становился день.

— Говорите короче, что вам нужно!.. Более пяти минут я никому, никогда не уделяю!

— Ну что ж, если за пять минут вы успеете сдать дела,— очень хорошо: меня прислали на ваше место!

В НАЧАЛЕ весны Мария Ивановна Полозова была выдвинута на руководящую, ответственную работу.

— Прошу вас, тов. Алексеев, — обратилась она к одному из работников периферии, после того как все деловые разговоры были закончены, — помогайте мне советами, критикой. Пишите, отмечайте недостатки. Вам с места виднее. Я ведь человек новый...

— Конечно, конечно! — заверил её Алексеев. — Не постесняемся, все ваши недочёты подметим, так сказать, невзирая на лица.

Трудно было впервые держать в руках руль учреждения, но молодой начальник блестяще справилась со своими обязанностями. Об этом же говорило и письмо, полученное вскоре от Алексева:

«Уважаемая тов. Полозова! Хотел бы выполнить обещание, данное Вам: покритиковать, поругать, но, ей богу, не за что! Деловитость и сметка выгодно отличают Вас от прежнего руководства. Да, да! Приходится отметить, что отсутствие контроля исполнения, нежелание вникнуть в запросы периферии — недостатки, свойственные нашему бывшему начальнику, — Вы сумели быстро ликвидировать. Поверьте в мою искренность...»

Мария Ивановна улыбнулась.

Но эту улыбку вызвало не только приятное письмо...

Случилось так, что этой весной Мария Ивановна полюбила.

Состояние влюблённости не мешало ей созывать совещания, издавать приказы, подписывать почту. Не мешал ей в этом и Пётр Сергеевич Никаноров, терпеливо ждавший её окончательного «да».

* * *

Лето промчалось по дороге времени семимильными шагами, и жёлтые листья на дорожках парков, как жёлтые огни уличных светофоров, тревожно предупредили: «Внимание! Осень наступила!»

ДВА ПИСЬМА

И когда молодожёны возвращались из учреждения, констатирующего всевозможные гражданские состояния, уже моросил холодный, осенний дождик. Но эта неприятная метеорологическая деталь мало повлияла на их радостное настроение: под одним зонтиком, тесно прижавшись друг к другу, они шагали домой, мурлыча песенку.

Через две-три недели после свадьбы Мария Ивановна Полозова, т. е., простите, теперь уже Никанорова, нашла среди почты опять письмо с периферии от товарища Алексева.

«Уважаемая тов. Никанорова! — писал Алексеев. — С удовольствием отмечаю тот факт, что на последнем распоряжении Главка я увидел новую подпись. Нужно сказать, что давно пора! Давно назрела необходимость обновить руководство и снять Вашу предшественницу тов. Полозову с занимаемой должности, как не соответствующую...»

Мария Ивановна удобнее уселась в кресло и с интересом продолжала читать:

«...отсутствие контроля исполнения, нежелание вникнуть в запросы периферии — недостатки, свойственные нашему бывшему руководству, — я уверен, будут устранены... Прошу Вас верить в мою искренность».

С неослабевающим вниманием прочла Мария Ивановна все пять страниц убористого текста. Затем вырвала листок из блокнота и написала:

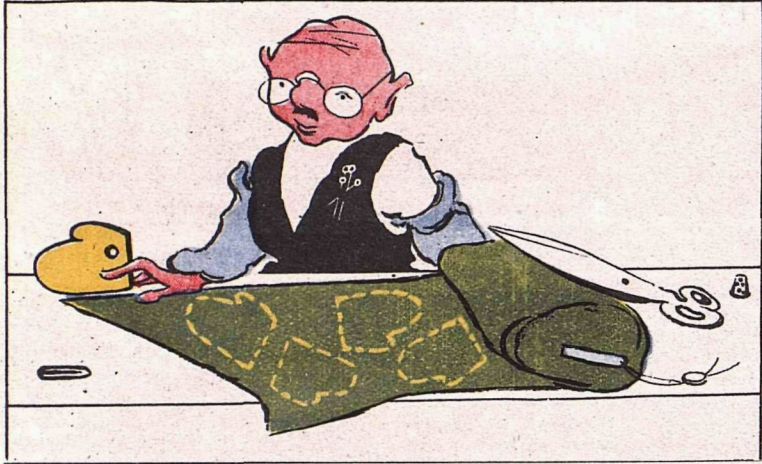
«Уважаемый тов. Алексеев! Отныне я в Вашей искренности не сомневаюсь. Привет!»

Никанорова (бывшая Полозова)».

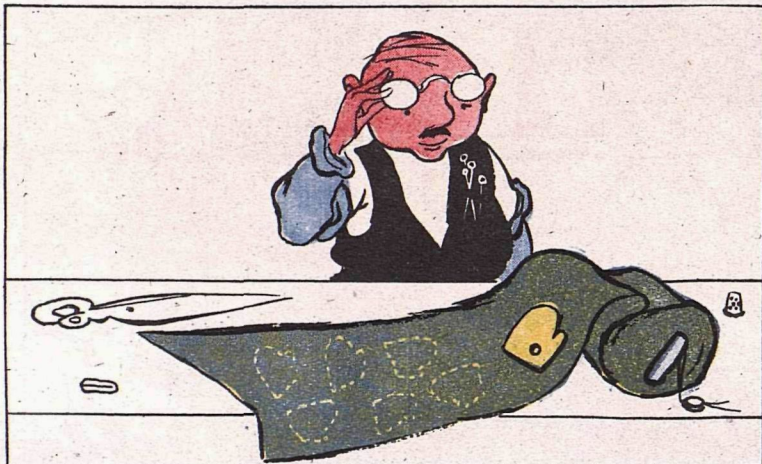
Любовь РЫСС

По государственным стандартам, рукавицы должны изготавливаться четырёх размеров, но в городе Горьком почему-то шьют рукавицы только одного размера, причём самого малого.

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

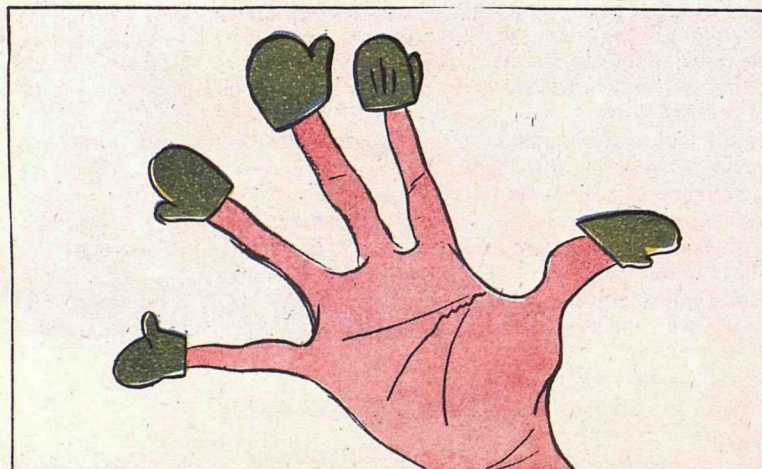
— Из этого куска надо выкроить пару рукавиц...

— Однако можно и три...

— И четыре — не предел...

— А пять — ещё лучше!

Из материалов, присланных на конкурс Крокодила

ССОРА В СОЛИКАМСКЕ

ИСТОРИЮ о том, как поссорились миргородские помещики Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, поведал миру в своей знаменитой повести Н. В. Гоголь. Поводом к ссоре, как известно, послужила несговорчивость Ивана Никифоровича, не согласившегося обменять старое ружьё на бурую свинью. Иван Никифорович не только отказался обменять ружьё на бурую свинью, но по невосдержанности своего языка обозвал Ивана Ивановича настоящим гусаком. С этого, собственно, и началась многолетняя ссора.

В предисловии к повести Гоголь писал: «Долгом почитаю предупредить, что происшествие, описанное в этой повести, относится к очень давнему времени. Притом оно совершенная выдумка».

Будь жив Н. В. Гоголь и побывай в наши дни в Соликамске, он ни за что не написал бы такого предисловия. Оно звучало бы так: «Долгом почитаю предупредить, что происшествие, описанное в этой повести, относится к 1949 году. Притом оно совершенная правда».

* * *

В Соликамске поссорились достойные люди: директора соседних предприятий — Магниевого завода товарищ Кржижановский и калийного комбината товарищ Нестеренко.

...Однажды Иван Иванович Нестеренко пришёл к Ивану Никифоровичу Кржижановскому, с которым водил хлеб-соль.

— Доброе здоровьишко, Иван Никифорович! Как поживаете, как план выполняете?

— Спасибо на добром слове... Выполняем, не жалуемся.

Для приличия помолчал немного, директор калийного комбината вдруг предложил:

— Отдай мне, Иван Никифорович, химическую водоочистку. Вам она ненужна, ею вы не пользуетесь, а нам нужна дозарезу. Без неё и себестоимость не снизим и качество...

— Как же это, Иван Иванович, вдруг так и «отдай»? Она, голубушка, на балансе один миллион триста тысяч тянет.

Долго уговаривал Иван Иванович Ивана Никифоровича, грозился и клялся главнокомандующим, министерством, Госконтроль не раз упоминал. Иван Никифорович твёрдо стоял на своём:

— Нет, не отдам — и всё тут!

Не раз ещё встречались соседи-директора, не раз вступали в спор, не раз осыпали друг друга обидными словами. Наконец Иван Никифорович, сменив гнев на милость, согласился отдать химическую водоочистку калийному комбинату в аренду.

Но от аренды Иван Иванович не только категорически отказался, а ещё пуще обиделся:

— Ваша водоочистка, Иван Никифорович, требует реконструкции. Всякая реконструкция без капиталовложений не обходится. Так это за здорово живёшь и вложить несколько сот тысяч в чужое предприятие. Тоже скажете, Иван Никифорович!

Трудно сказать, упоминался при этом или нет «настоящий гусак», только события начали молниеносно развиваться. Как известно, Иван Никифорович Довгочун в отместку Ивану Ивановичу Перерепенко с дьявольской скоростью, в один день, прямо перед носом последнего возвёл гусиный хлев. Директор калийного комбината Нестеренко с неменьшей быстротой возвёл новую водоочистку, стоимостью около миллиона рублей. Директор магниевого завода Кржижановский не в пример миргородцу нисколько не обиделся. Он лишь приказал поставить свою водоочистку на консервацию.

Однако ссора директоров не только не закончилась, а разгорелась с новой силой. Иван Иванович решил отплатить Ивану Никифоровичу. Дело в том, что магниевого завода питается водой через калийный комбинат. Иван Иванович решил построить свой новый водовод и провести его в полутора километрах от магниевого завода.

Происходит встреча, совсем не предусмотренная Гоголем:

— Доброе здоровьишко, Иван Иванович!

— И вам, Иван Никифорович.

— Люди добрые говорят, водовод новый прокладываете?

— Что ж, прокладываем.

— Не по-соседски, в сторону отводите.

— А это уж — наше директорское дело: наш водовод, где нравиться, там и проложим.

— Да, но ведь это, по меньшей мере, на шестьсот — семьсот тысяч рублей дороже будет стоить.

— А вы, Иван Иванович, в чужом кармане не считайте, а то спать беспокойно будете.

— Позвольте, а что ж, нашему старому семьсотметровому водоводу пропадать?

— А это уже — ваше директорское дело, и ваш водовод — хотите целуйтесь с ним, хотите под стекло прячьте.

И пошло и пошло!..

Тонны бумаги исписали соликамские Довгочун и Перерепенко, жалуясь друг на друга в свои главные управления. И если не удастся уговорить и помирить Ивана Ивановича Кржижановского с Иваном Никифоровичем Нестеренко, — ещё не один миллион рублей будет стоить ссора соседей-директоров.

М. КРУГОВ.

Г. Молотов.

ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЕРГЕЙ БАРАШЕНКОВ

НОВЕЙШИЕ исследования в области истории показали, что Иван Грозный ничего не знал о предстоящей деятельности товарища Барашенкова. Именно это досадное обстоятельство и явилось причиной оплошности, которую допустил Иван Грозный, обосновав свою вторую столицу в Александровской слободе. Знай он, что в лето одна тысяча девятьсот сорок девятое над слободой будет иметь власть товарищ Барашенков, царь избрал бы себе другой столичный град. И не было бы тогда в Александрове ни всемирно известных новгородских и тверских дверей, ни белокаменных палат, ни других старинных памятников, созданных русскими умелыми людьми.

Прошёл век, другой, третий. В четвёртый век архитектурные памятники были объявлены заповедными и взяты под охрану советского государства. Так было до тех пор, пока в Александровский кремль пришёл председатель исполкома городского совета Сергей Иванович Барашенков. Осмотрев церкви и государевы палаты и подойдя к оным по-хозяйски, Сергей Иванович изрёк:

— Славная работа! Начальнику строительной конторы Бекневу ни за что таких хороми не построить.

Покровская церковь вызвала особое умиление товарища Барашенкова.

— Ах, хороша! Вот это архитектура! Лучшего хранилища для разных знаков и не найдёшь!

И бух туда четыреста тонн зерна.

От такой любезности председателя архитектурный памятник XVI века сперва дал угрожающие трещины, а теперь вообще собирается изменить свою первоначальную форму и превратиться в гору кирпичного боя и мусора.

— Пусть трещит, — махнул рукой Барашенков, — зато зерно хранится надёжно, как у Христа за пазухой.

Опале подверглись и другие памятники старины.

Не без ведома того же Барашенкова под тяжёлыми сводами старинных хороми наши приют и база Кинопроката, и приёмный пункт маслопрома, и ряд других, далеко не исторических организаций. Каждая из них по-своему совершенствует старинное искусство современными достижениями техники: узкие двери расширяются; где темно, прорубаются окна.

Действиям Барашенкова стали подражать и его подчинённые.

Заведующему отделом коммунального хозяйства Березину потребовался строительный камень. Не затрудняя себя хлопотами, Березин приказал ломать так называемую государеву белокаменную плотину, являвшуюся частью сложного и умного ирригационного сооружения XVI

века. В древнейшем крепостном валу оказался хороший строительный песок. И его приспособили в дело.

Жилищный отдел тоже не может пожаловаться на товарища Барашенкова. Всё, что в пределах кремля имело стены и крышу, отдано под частные квартиры. Об остальных удобствах позаботились сами жильцы. И часто у водоразборной колонки слышны разговоры:

— Ну, как у вас в трапезной?

— Да ничего. Думаю печку перекаладывать. А то, говорят, она ещё при царе Иване Грозном сложена. Вон в Марфиной палате и печи переложили, и окна переделили, и теперь живут, как в хоромах...

На облупившихся стенах памятников написано:

«Повреждение памятников карается законом». А они не только повреждаются, а, скажем прямо, разрушаются. Стены кремля требуют срочного укрепления, угловые башни зияют рёбрами стропил, старинные фрески грозят навсегда исчезнуть.

— В этом не я один виноват, — признаётся товарищ Барашенков.

Здесь есть доля правды. Имеются и другие ответственные виновники. Сидят они и в областном городе Владимире и в республиканском управлении по делам архитектуры.

И. КОСТЮКОВ

НЕПРЕДУСМОТРЕННЫЕ ТРУДНОСТИ

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА.

— Почему у вас к общественной работе привлечено всего два человека?

— А с остальными очень трудно работать: либо они меня не знают, либо я их не знаю!

ДЕЛО О «ДЕЛЕ»

ПРЕДСТАВИМ себе такую задачу для народных судей среднего возраста:

«Гражданин Иванов одолжил у гражданина Петрова зимнее пальто. Уезжая в другой город, Иванов не возвратил пальто владельцу, а отдал его гражданину Сидорову в обмен на троллейбус. Вопрос: как поступить с зимним пальто и как поступить с троллейбусом?»

Мы видим, как поднимаются с места сразу несколько экзаменуемых и отвечают хором:

«Обмен признать незаконным, так как ни пальто, ни троллейбус не принадлежат менявшимся сторонам. Решение: пальто вернуть владельцу, троллейбус пусть бегаёт по тому маршруту, что и бегал, а незадачливых менял предупредить, чтоб не распорядились чужим имуществом...»

Правильное решение, справедливое, ничего не скажешь.

Теперь подменим в задаче фамилии и меняемые объекты, так сказать приблизим её к жизни.

Гражданин Штерн временно поселился в квартире профессора Недошивина в Казани. Уезжая в Москву, он не возвратил комнату владельцу, а обменял её с гражданином Каримовым на.. Вот на что обменял, даже не придумаешь, ну, допустим, на хорошее отношение Казанского жилищного управления к Каримову. Вопрос: как поступить с квартирой профессора Недошивина и с Казанским горжилуправлением?

Что-то мы не видим оживления среди судей. Никто не вскакивает с места и не торопится принять решение. Сидят судьи, наморщив лбы, и что-то очень серьёзно обдумывают.

А ведь задача та же самая. Изменились только фамилии и меняемые объекты.

— Э, нет! Тут так просто не решишь. Это — совсем другое дело. Это — жилищное дело...

Жилищное дело! Действительно, чем тут можно помочь? Ведь даже сторожихи юридических консультаций знают, что пути жилищных дел неисповедимы. От них, говорят, даже фельетонисты отказываются...

Есть неписанная золотая юридическая истина: «Если дело разбирается слишком долго, — даже самое ясное в нём начинает казаться тёмным».

Именно это и произошло с делом профессора Недошивина. От слишком долгого разбирательства оно превратилось в пыльное, канительное «дело» с безнадёжной надписью «Жилищное». И под ворохом бумажной канители угасла живая человеческая суть...

В 1941 году, в трудное для страны военное время, Академию наук СССР эвакуировали из Москвы в Казань. Секретарь партбюро Казанского государственного университета Булатов обратился к местным учёным с призывом помочь эвакуированным академикам устроиться в городе. Одним из первых откликнулся старый профессор, руководитель кафедры зоологии позвоночных, Андрей Яковлевич Недошивин.

— У меня квартира из четырёх комнат, — сказал он, — передайте академику Абрикосову, что я буду рад видеть его у себя в доме...

Хозяин уступил гостю лучшую половину своей квартиры, свой домашний кабинет. Когда спустя восемнадцать месяцев академик возвратился в Москву, Недошивин с тем же гостеприимством принял у себя сотрудника академии — Штерна. Но вот война окончилась, Академия наук была возвращена на место постоянного жительства, и Штерн также покинул Казань.

Не успел гражданин Штерн покинуть квартиру профессора, как в ней появился гражданин Каримов с семьёй и ордером, в котором было сказано, что он, Каримов, вселяется в квартиру профессора в порядке обмена жилплощадью с гражданином Штерном... Как мог совершиться этот «обмен», известно одному аллаху да ещё бывшему начальнику жилищного управления Абашеву, подписавшему ордер.

Вот она какая вышла задача! Трудной она оказалась для казанских судей, и пока они морщили лбы, в квартире профессора Недошивина один за другим сменялись жильцы: за Каримовым — Резников, за Резниковым — Яропольская с Белоглазовым. Одни уезжали, другие получали квартиры, но каждый новый имел на вооружении ордер системы Абашева.

Профессор, вероятно, и по сей день недоуменно взирал бы на то, как жилуправленцы ловко оперируют его квартирой, если бы последние жильцы не завинтили пресс слишком туго.

— Чего с ним церемониться, со стариком! — решил Белоглазов, оказавшийся мужчиной крутого нрава и неуёмного темперамента. — Припугнуть его как следует — он и вовсе из квартиры выкатится, — и он отдал приказ: ванную на замок! Вещи профессора из кухни и коридора долой! Уборную закрыть!

Даже управдом, при всём своем слабости, воспротивился этим действиям. Но и он быстро присмирел, получив письменную резолюцию супруги Белоглазова — гражданки Яропольской:

«Ванная комната открыта не будет...»

Казанские судьи решали задачу не год и не два. И решали, надо сказать, не в пользу учёного. И помогали им в этом жилуправленческие крючкотворы, рьяно защищавшие честь своего мундира.

«Подумаешь! — кричали они во всех судебных инстанциях. — Не барин, проживёт и в двух комнатах!»

Да, действительно не барин, а советский учёный. По этому поводу мы охотно напомним забывчивым казанским товарищам постановление Совнаркома СССР от 6 марта 1946 года. В нём предлагается в целях улучшения жилищных условий работников науки построить и сдать в эксплуатацию не позднее IV квартала 1947 года в восемнадцати городах, в том числе и в Казани, по тридцать — сорок пятикомнатных квартир...

Мы тщетно искали в Казани этот дом из пятикомнатных квартир. В IV квартале 1947 года он должен был красоваться на одной из казанских улиц. В IV квартале 1949 года мы нашли его лишь в проектных планах исполкома...

Недавно Верховный суд Татарской АССР вновь пересматривал дело профессора Недошивина. Этого добился секретарь партбюро Казанского университета товарищ Булатов.

Но судьи остались верны себе. Вот какое окончательное определение они вынесли: «Белоглазова и Яропольскую из квартиры профессора Недошивина выселить... с предоставлением им равноценной площади...»

Говорят, что представитель жилищного управления от радости чуть не свалился с судейской скамьи.

— Вот спасибо! Вот удружили! — залепетал он. — Равноценной площади мы не имеем. Теперь всё останется на прежнем месте...

Нам кажется, что не всё останется на прежнем месте. Живое человеческое дело победит и положит конец многолетней возмутительной волоките, издевательствам над профессором Недошивиным.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

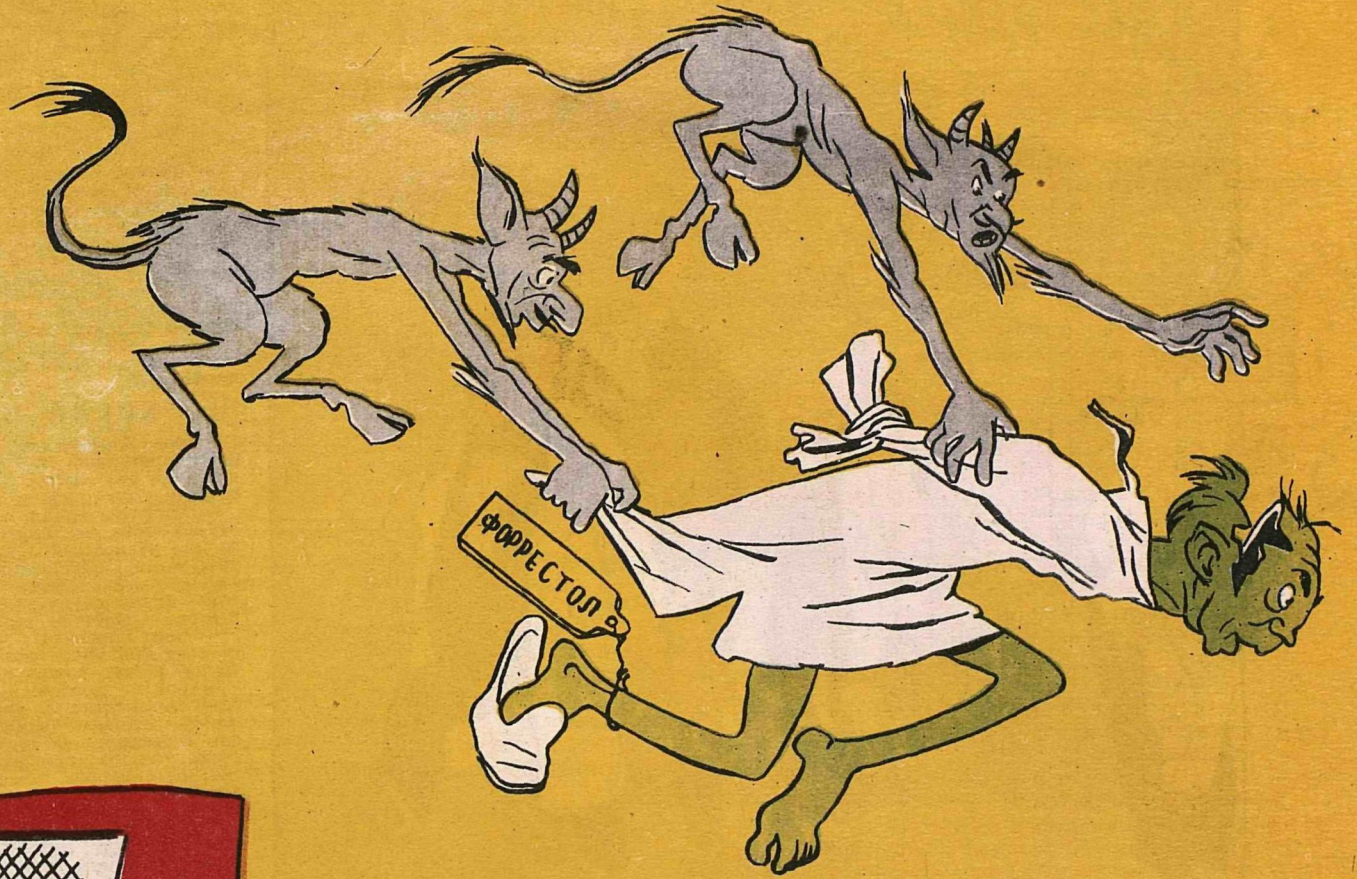
Первые контуженные воз...

ОТ ИСТЕРИИ К ИСТИ...

В ужасе треплет газету... Да, к сожалению, это не бедный, лишился весёлого... И на Баруха бывает про...

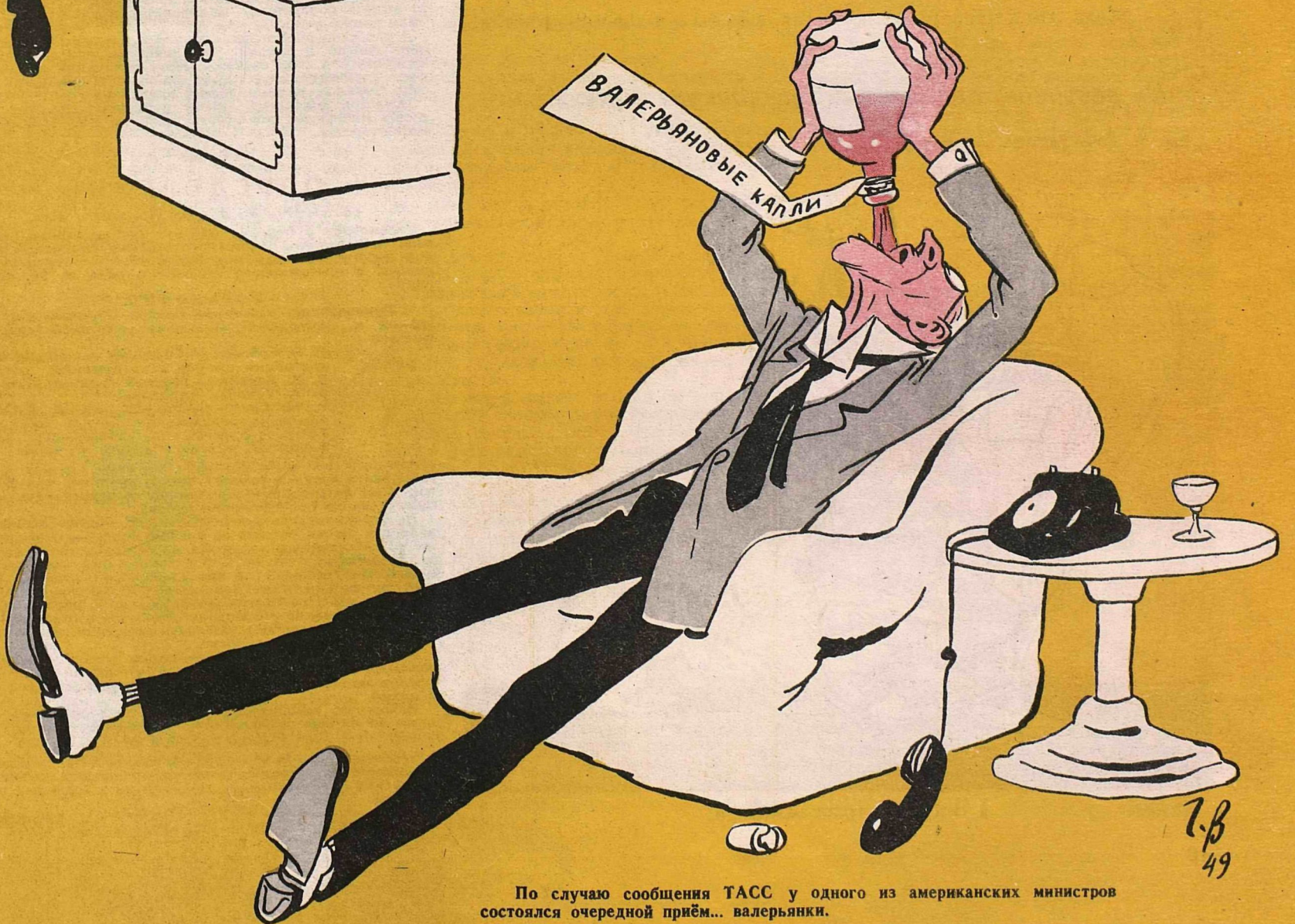
СООБЩЕНИЕ
ТАСС

ФОРРЕСТОЛ В АДУ

ЧЕРТИ: — Держи его крепче! Не то он второй раз в окно выбросится!..

душной волной.

ЕРИКЕ

Барух:
слух!
о духа:
уха!

По случаю сообщения ТАСС у одного из американских министров
состоялся очередной приём... валерьянки.

Г.В.
49

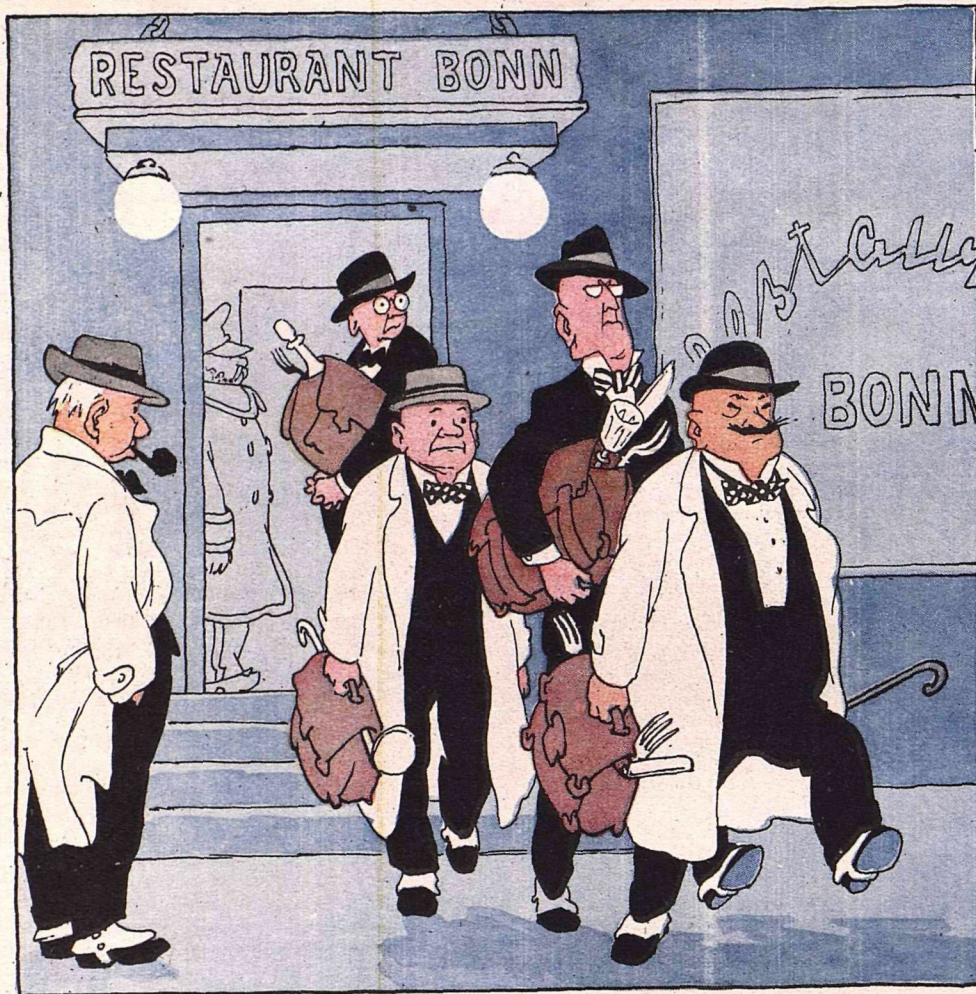

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

Владелец ресторана при Боннском парламенте сообщил, что с тех пор, как Бонн стал временной резиденцией западногерманского «правительства», из его ресторана были украдены столовые приборы на общую сумму, превышающую 3000 западных марок.

(Из газет.)

— Жаль, что я министр без портфеля, а то бы и я кое-что захватил!..

Из рисунков, присланных на конкурс Крокодила

Рис. П. КОЖУХАРОВА (Ленинград).

Вот он — голос Америки!

СЛОН И СВИНЬЯ

— Почему свинья произошла от слона?
С таким вопросом обратились ученики к редакторам Учпедгиза тт. Герасимову и Маховой.

Редакторы улыбнулись столь странному вопросу и вместо ответа раскрыли учебник зоологии Шалаева и Рыкова. На странице 244-й было написано: «Домашние свиньи произошли от дикого кабана (см. рис. 137)».

— Смотрите рисунок 137-й, — не отступали ученики. Взглянули редакторы и ахнули: в качестве прародителя свиньи был изображён... могучий индийский слон.

Почёсывая затылки, тт. Герасимов и Махова думали: «Слона-то мы и не заметили!.. Такую свинью ему подложили!»

КОГДА МЕНЯЕТСЯ ГОЛОС...

У тов. Григорьева, руководителя строительного-монтажного управления № 7 треста № 1 Главнефтебита, как ни странно, два голоса: бас и тенор. Бас при разговоре с рабочими. Тенор для друзей и знакомых.

— Что? Материал вам отпустить! — рокошет, потрясая стёкла окон, бас Григорьева. — Вы у меня походите! С этого дня утверждаю порядок: без шести подписей ни одно требование недействительно. Первая подпись — бригадира, вторая — мастера, третья — старшего прораба, четвёртая — начальника СМУ № 7, пятая — главного бухгалтера, шестая — кассира. Что? Не нравится? Ничего, привыкните.

— Чего изволите? — мягким, лирическим тенором спрашивает Григорьев своих начальников и друзей. — Олифы? Охры? Мела? Пожалуйста. О подписях не беспокойтесь.

И вот по требованиям №№ 278, 279, 281 отпущено за один лишь день 22 августа: тёртой охры — 4 килограмма, олифы аксоль — 4 килограмма, белил — 2 килограмма. Все эти строительные материалы выписывались на Томилинский участок, где малярные работы не ведутся. Таким лёгким способом сын старшего инженера треста был снабжён бесплатно материалом для ремонта своей квартиры.

Эх, поговорить бы с этим Григорьевым твёрдым голосом — и пусть навсегда запомнит, что склад строительных материалов — не домашняя кладовая.

НА ЧТО ЖАЛУЕТЕСЬ?

Врач Л. Грилин прислал нам из Киева бланк, отпечатанный в типографии. На бланке заголовок: «Список лиц, записавшихся на приём к начальнику Планово-финансового управления Министерства здравоохранения УССР тов. Пандре М. О.».

Оказывается, лица, идущие на приём к тов. Пандре и к другим руководящим работникам министерства, должны сообщить секретарям не только фамилию, имя и отчество, но, что особенно важно, «кто идёт, должность, звание» и «по какому вопросу». Затем, должно быть, в зависимости от звания посетителя, заполняется и следующая графа: «Как решён вопрос».

А что если посетитель — больной, нетрудоспособный и у него только и звания, что диабетик или неврастеник? Изобретатели этой системы учёта начальник административно-хозяйственного отдела Еркович и помощник министра Чураков, видимо, такого случая не учли.

Остаётся дополнить анкету вопросом: «На что жалуетесь?» Интересно, что ответят авторам анкеты посетители министерства.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

об изъятии из архива уголовного дела.

Рассмотрев в порядке надзора постановление следователя прокуратуры Львовского участка Львовской железной дороги Юрченко, подтверждённое прокурором Володиным, о прекращении уголовного дела № 90, я, Крокодил,

УСТАНОВИЛ:

1. Руководящие работники первой и второй дистанций зданий и сооружений Львовской железной дороги, а именно:

Н. В. Ядловский — бывший начальник второй дистанции зданий и сооружений,
В. К. Корейко — бывший главный бухгалтер,
А. А. Столбов — прораб,
В. М. Ерко — начальник первой дистанции зданий и сооружений,
Ефремов — начальник жилищного отдела Львовской железной дороги и другие —

совершили деяния, о которых они сами стесняются разговаривать вслух, а говорят только шепотом, чем (деяния, а не разговорами) причинили государству ущерб на сумму свыше полумиллиона рублей.

Не ограничиваясь этим, указанные лица разменяли сто двадцать тысяч рублей на мелкие купюры и разложили их по собственным карманам на безвозвратное хранение.

2. Учитывая, что поступки означенных лиц уголовно наказуемы, главный контролёр-ревизор Союзного Министерства финансов по Украинской ССР, не будучи, видимо, искушённым в тонкостях юриспруденции, посоветовал товарищам Юрченко и Володину подобрать соответствующие статьи уголовно-процессуального кодекса и привлечь расхитителей к ответственности.

3. Однако, по мотивам, известным только следователю Юрченко и прокурору Володину, уголовное дело № 90 против любителей чужого добра было прекращено и сдано в архив.

Исходя из вышеизложенного и руководствуясь законами об охране социалистической собственности,

О П Р Е Д Е Л Я Ю:

Уголовное дело № 90 из архива изъять и просить главного прокурора железнодорожного транспорта «отметить» львовских сооружецов, а заодно и их заботливых покровителей.

КРОКОДИЛ

(ИЗ СЕРИИ «ТИПЫ, УХОДЯЩИЕ В ПРОШЛОЕ»)

ПРИЕХАЛ областной ревизор Ерёма Скрипун на периферию проверку деятельности подведомственного учреждения производить. День проверяет, другой проверяет, во всё вникает, на ус мотает да перышком железным в блокноте поскрипывает. И таково ли тщательно-внимательно поскрипывает да вникает, что работники учреждения в один голос решили: «Амба нашему директору Фоме Хапуну, капут!»

А Ерёма скрипел-скрипел, вникал-вникал, на ус мотал-мотал и тоже думает: «Ну, дела! Придётся Фому Хапуну под суд отдать. Ну, и подлец! Ну, и мерзавец! Ну, и прохвост!» Подумал он это и сел выводы писать.

Скоро сказка сказывается, да не скоро выводы пишутся. Только сел Ерёма писать, откуда ни возьмись Фома Хапун. Вошёл и спрашивает:

— А что, товарищ Скрипун, в подсобном хозяйстве нашем был?

— В каком таком?

— Ну, так я и знал, что не был. А уже выводы собрался писать. Нет, как хочешь, пусть на мою голову, но я тебя туда свожу — была не была, семь бед — один ответ!

Поехали в подсобное хозяйство. Ехали-ехали, смеркаться стало. А до места доехали — и совсем темно. Ерёма говорит:

— Куда ты, Фома, завёз меня на ночь глядя? У меня совсем и времени-то нет по ночам шататься.

— Эта беда — не беда, — отвечает Фома, — мы вот выпьем молочка на лоне природы, отдохнём, а утречком и хозяйство осмотрим. Эй, скажите там, чтобы молочка подали!

— Да мне ведь завтра в область ехать, — упирается Ерёма.

— Не велика беда — днём раньше, днём позже, тише едешь — больше командировочных.

— Да мне ведь выводы надо писать.

— Утро вечера мудренее, Ерёмушка, будет день — будут и выводы. Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра... Да вот, кстати, и молочко! Прощу за стол!

Берёт Ерёма стакан, смотрит, а молоко то светлое-пресветлое, как слеза.

Рассердился Ерёма:

— Ты что же это, спойте меня задумал? Меня, Скрипуна? Не выйдет! Не на таковского напал! Я, брат, не такое молочко пивал, да пьян не бывал.

И... раз стакан, раз другой, даже не поморщился.

Ну, выпил Ерёма молочка и на боковую. Лёг на боковую и думает: «А уж не так плох этот Фома Хапун. Весёлый, простодушный, обходительный. Не стоит, пожалуй, его под суд отдавать, довольно и того, что с работы снимут».

Осмотрел Ерёма на другой день подсобное хозяйство и обратно в трест собрался. Сел в машину, смотрит: что за диво? Уж столько ли разных кульков-мешочков, ба-

ночек да сткляночек, свёрточков да перевёрточков в машину понасовано.

— А что это, — спрашивает, — за кульки-мешочки, за свёрточки-перевёрточки?

— А это на дорогу тебе, Ерёмушка. Да жене, слышь, твоей супруге Еремехе, да деточкам Еремеевичам подарки-гостинчики: медок сладенький, яблочки наливные, огурчики янтарные, мучка крупчатая, грибки маринованные и прочая разная снесь.

— Да не много ли, — говорит Ерёма, — кабы не подавились, да и тресту вашему вроде разор.

— Пустяки, Ерёмушка, рука дающего не оскудеет, берущего да не отсохнет, как сказал бывший Иисус Христос.

Едет Ерёма и думает: «Право же этот Фома — рубаха парень. Наверное, он и хищения да растраты по доброте своей, а не по злему умыслу допустил».

— Фома, а Фома! Растраты у тебя по умыслу или не по умыслу?

— Бог с тобой, Ерёмушка, знамо дело, не по умыслу.

— Значит, и хищения по доброте сердечной?

— Знамо дело, по доброте.

«Нет, — думает Ерёма, — не стоит его и с работы снимать. Объявить выговор и хватит».

Приехали в трест. Сел Ерёма выводы писать. Достал из кармана перо своё железное, заржавленное, а Фома хап это перо и говорит:

— Ай-я-яй, да разве к лицу такая, прости господи, гадость ответственному Ерёме?!

И с этими словами выбрасывает ревизорское перо в окошко, в помойку, а Ерёме подаёт своё вечное перо. И какое перо! Ни в сказке сказать, ни пером описать! Не простое перо — золотое! Посмотрел Ерёма на перо, поскрипел им по бумаге и аж крикнул от удовольствия: ну, скажи, само перо пишет!

— Ну вот и скрипи теперь свои выводы. А перышко золотое возьми себе на память. «Экой добряга, этот Фома! — подумал Ерёма. — Ну как такого человека выговором обижать? Достаточно на вид поставить или указать».

Начал Ерёма золотым перышком выводы писать. Смотрит: что за оказия? Голова и совесть ерёмины подсказывают писать одно, а золотое перышко скрипит совсем другое. Совесть говорит: «Фома Хапун — подлец», — а перо выводит: «Фома Хапун — растущий директор». Совесть подсказывает писать: «Целый ряд преступлений», — а перо золотое выводит: «Целый ряд достижений»; совесть диктует: «Отдать под суд», — а перо пишет: «Объявить благодарность».

Спорила-спорила ревизорская совесть с золотым перышком, однако перышко взяло своё, и совесть ерёмина благородно ретировалась.

Уехал Ерёма Скрипун, а Фома Хапун ходит по кабинету, ручки потирает и приговаривает:

— Что, взяли? Жалобщики, бумагомаратели, ракалии, критиканы зловередные! Вот я вас!

Вызвал Фома ракалий, критиканов, жалобщиков и объявил:

— По вашему собственному хотению, по моему велению, увольняю вас.

Уволил Фома ракалий и дачу себе на казённые деньги построил. Ракалии развели руками и свистнули:

— Ну и ревизор Золотое Перышко!

Так с тех пор Ерёму Скрипуна и стали называть: ревизор Золотое Перышко. И не чаяли в нём души разные плуты-проходимцы, стяжатели-потакатели, взяточники-растратчики и прочая сволочь. Намекнут, бывало, тому же Фоме Хапуну: «Ой, Хапун, что-то заметно, прокурор Недреманное Око на тебя стал заглядываться. Как бы из дачки-то с казёнными антресолями в тюрьму тебе не угодить». А Фома одно твердит:

— Золотое Перышко не выдаст — Недреманное Око не съест.

И верно. Получил Ерёма Скрипун жалобу. Раньше возьмёт, бывало, своё железное перо и выведет резолюцию: «В прокуратуру». А теперь золотое перышко само собой скрипит: «В дело». А Ерёма превозмолен и души не чаёт в золотом перышке. Смотрит, по щучьему хотению, по фомину велению, на супруге Еремехе манто каракулевое появилось, на детушках Еремеевичах шубки-пуховики да и сам Ерёма в шубу бобровую влез.

Долго ли, коротко ли так-то Скрипун с Хапунуном подвизались, только получает Ерёма однажды такую ли злую-презлую жалобу на Фому, что совесть у Скрипуна прямо-таки в ужасное шевеление пришла. И если бы не заглушил её телефонный звонок, бог знает до чего бы ревизорская совесть дошевелилась.

— Алло!.. Да, это я — Ерёма... Здорово, Фома!.. Как... Лесу на дачку? Полвагона?.. Вот спасибо... Насчёт жалобы-то? Да мы её сейчас...

Положил Ерёма трубку и взял золотое перышко, чтобы на жалобе «В дело» наскрипеть. Ан смотрит: золотое перышко ни туда и ни сюда, не пишет, не скрипит. Ерёма и так и этак его вертит — нет, совсем отказало. «Да ведь ты же вечное? Ты же не простое — золотое? В чём же дело?» — сердится Ерёма. А золотое перышко и говорит вдруг человеческим голосом:

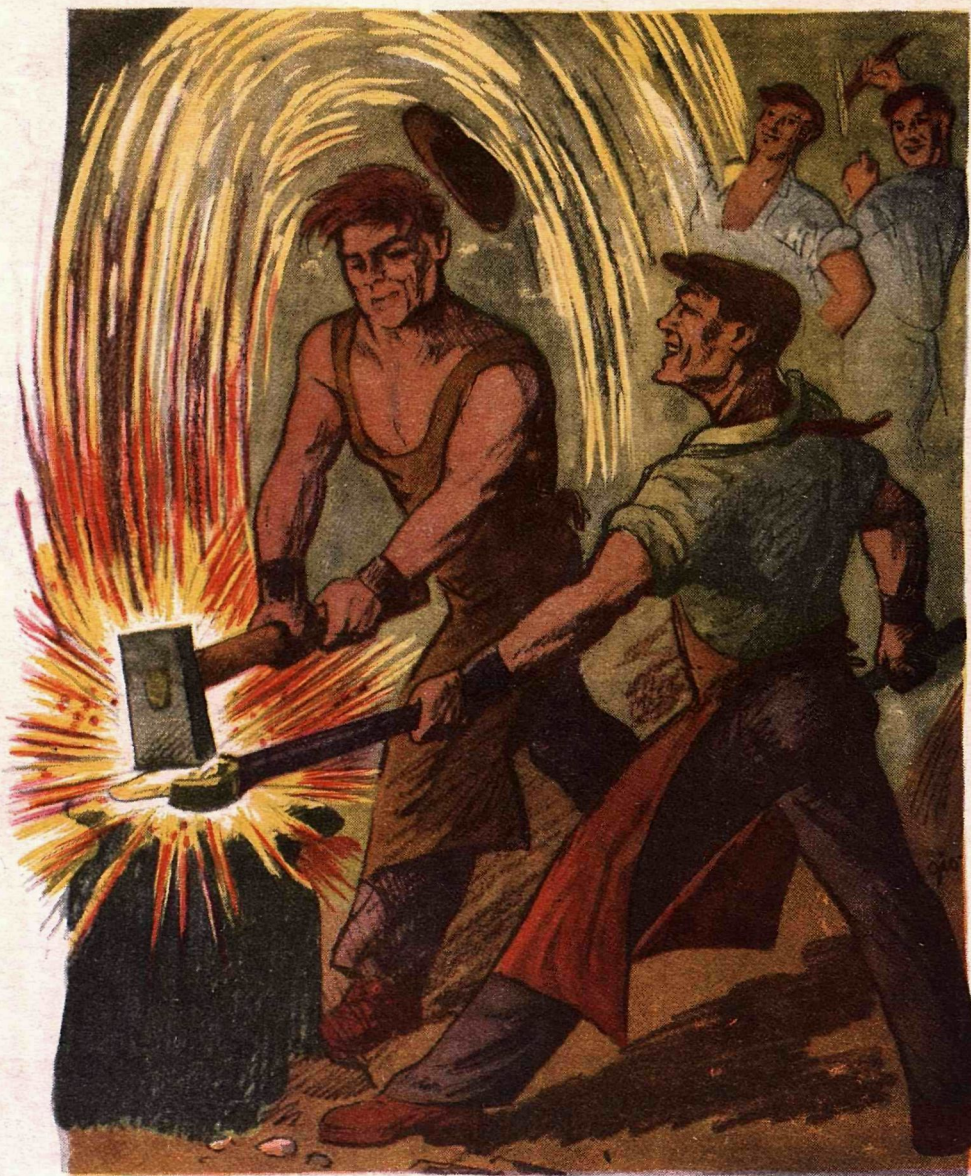
— Хошь меня казни, хошь в помойку выбрасывай, а не могу я в присутствии прокурора ни писать, ни скрипеть.

Глянул Ерёма перед собой и обмер: прокурор-то Недреманное Око — вот он, перед ним сидит и молвит:

— Ну, Ерёма, сумел плутовать, сумей и ответ держать.

С тех пор, говорят, и песенка поётся: Вор Ерёма сел на дно, А Фома-то там давно.

Д. БЕЛЯЕВ

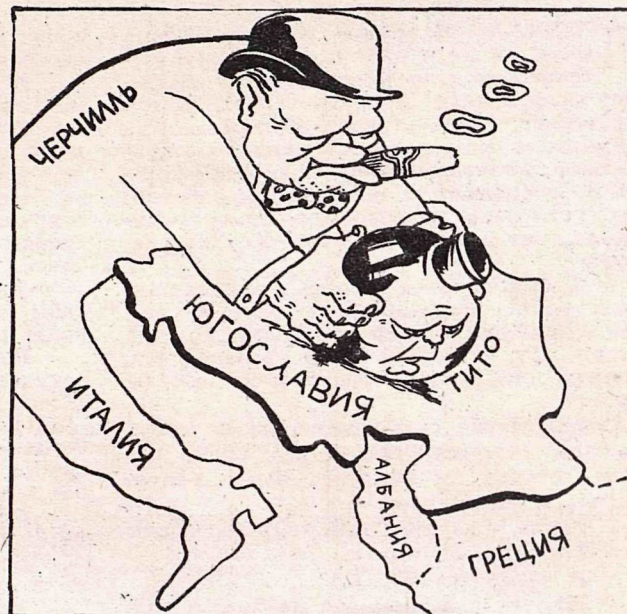

— Как ты мог так здорово ударить?
— А я думал, что это банда Райка!

ВЕНГЕРСКАЯ САТИРА О процессе Райка

Прямое попадание.

Как выяснилось на процессе Райка и др., Тито уже долгие годы состоит на службе у реакции.

Бомба замедленного действия.

Мишельна ЛЯПУЗ

СВЯТАЯ ЖАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

КАК известно, Орлеанскую деву англичане сожгли в XV веке в Руане. Но адские муки, перенесённые девой, — ничто по сравнению с тем, что сделали с ней американцы через пятьсот лет в Голливуде, в 1949 году.

Не будем интриговать читателя: они сделали фильм о Жанне д'Арк, роль которой исполняла шведская киноактриса Ингрид Бергман. В фильме «орлеанская дева» бегло тараторит по-английски с сильно шведским акцентом. По ходу сценария она подписывает протокол допроса и перед сожжением удобно усаживается на костре. Но история американизированной святой на этом только начинается.

Обычно, когда фильм снят, ему создают рекламу. Кинодельцы долго спорили, каким образом сделать деве наиболее успешную рекламу. После долгих споров это удалось им сделать.

Обычно кинозвезду фотографируют в купальном костюме или в собольем палантине. Описывают её драгоценности, замужества и разводы. Для актрисы в роли Орлеанской девы подобная реклама не подходила. И вот в один прекрасный день все газеты вдруг начали восхвалять семейно-хозяйственные добродетели Ингрид Бергман. Её фотографировали не иначе, как в кухонном передничке или костюме сестры милосердия. Её семейную жизнь рисовали в самых целомудренных тонах. Актрису награждали всеми добродетелями Жанны д'Арк.

Потом появилось сообщение, что Бергман никогда не красит губы. Некоторые газеты стали намекать, что коли на американ-

ском континенте нет святых, то лучше и популярнее не подобрать кандидатуру на эту должность. Задавали вопрос, не может ли американский наблюдатель в Ватикане замолвить словечко у святого отца. Ведь своими добродетелями она, несомненно, заслуживает возведения в ранг святых.

Газетная реклама была настолько хорошо поставлена, что немало американцев в конце концов твёрдо уверились в том, что Ингрид Бергман действительно является Жанной д'Арк. Правда, некоторые даты из биографии обеих святых не совсем совпадали, но знание исторических дат никогда не являлось сильной стороной жителей Огайо и Вуйоминга. Одним словом, популярная Жанна д'Арк — Ингрид Бергман — вышла за рамки киноискусства и перекочевала в другую — финансовую область американской жизни. Общество страхования и сберегательных касс «ЮС Сейвинг Бонз» решило, что слава новоявленной святой, воплощённой в современной кинозвезде, является прекрасной рекламой и надёжной гарантией для привлечения клиентов в общество.

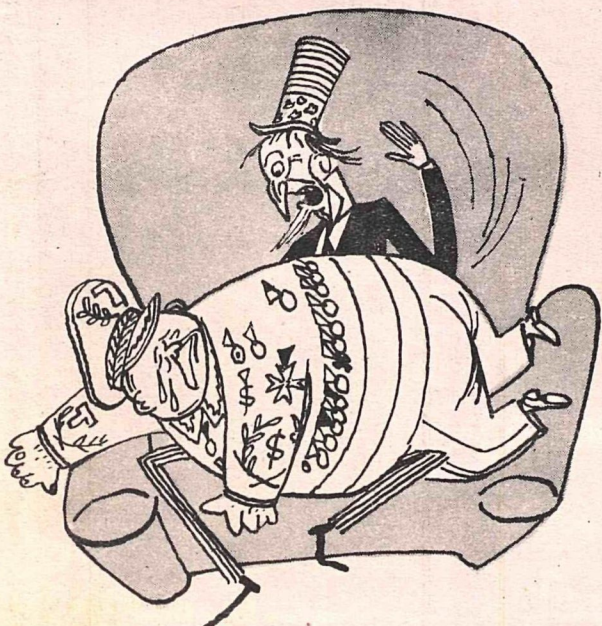
Вскоре в газетах появились рекламные снимки, на которых прославленная киноактриса в алюминиевом панцире восседала на коне, держа в руках развевающееся знамя.

«Следуйте примеру Жанны д'Арк и Ингрид Бергман! Страхуйте свою жизнь в обществе «ЮС Сейвинг Бонз!» — призывала подпись под снимком.

НОВОЕ В МЕТЕОРОЛОГИИ

ТИТО: — Над Белградом стало темно!
 РАНКОВИЧ: — Это, вероятно, потому, что в Будапеште прояснилось!

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА

— Скверный мальчишка! Мало того, что Райк и его банда стоили мне столько денег, и тебя к тому же поймали!

Народ разоблачил всех виновников.

«Защищайте свой дом и очаг под знаменем Ингрид Бергман! Подписывайтесь на наши облигации!»

Солидная фирма возлагала большие надежды на добродетели Ингрид Бергман. Как жестоко ошиблась она в своих надеждах!

Что же делала современная Жанна д'Арк, когда ей создавалась такая популярность? Она отправилась в Италию, и в местных газетах время от времени стали появляться её фотографии в компании с неким режиссёром Росселини. Эти фотографии делались проницательными репортёрами во время их интимных прогулок. Сам режиссёр не испытывал никакого чувства благоговения перед американизированной святой. Его обуревали более низменные и грешные мысли. Жена Росселини, актриса Анна Магнани, узнав о похождениях Ингрид Бергман, во всеуслышание заявила, что намерена оторвать «орлеанской деве» голову, хотя рост девы — 178 сантиметров.

А тем временем появляются всё новые и новые фотографии: Жанна д'Арк восходит на вулкан в сопровождении того же Росселини, которого читатели легко опознали, несмотря на дымчатые очки, предусмотрительно надетые им наподобие маски.

Слухи о поведении Жанны — Ингрид Бергман — достигли американского континента. Они вызвали огромное возбуждение. Газеты выходили специальными изданиями. Вот каналы, эти итальянцы! Сводят с пути истинного даже святую Жанну — Ингрид Бергман — единственную святую в Соединённых Штатах! Наиболее ревностные и горячие почитатели святой уже предлагали прекратить итальянцам поставки по плану Маршалла, но пока ограничились другими мерами для спасения чести святой. В Италию направили посла, которому поручили вернуть свихнувшуюся «орлеанскую деву» на стезю добродетели. Расходы по

командировке посла приняла на себя страховая фирма «ЮС Сейвинг Бонз». Она ещё надеялась, что сможет продолжать вербовку подписчиков на свои облигации, ссылаясь на добродетели «орлеанской девы».

Этот посол — сотрудник фирмы, журналист Роберт Конвей — после непродолжительных поисков обнаружил деву в обществе Росселини. Между кинозвездой и журналистом разыгралась драматическая сцена, описание которой на следующий день заняло первые страницы 733 американских газет.

— Жанна, — трагически вопрошал Роберт Конвей. — Если все эти утверждения печати — неправда, то ради бога скажите, что вы делали на вулкане?

— Благородный рыцарь, — кокетливо ответила «орлеанская дева», — это останется тайной.

Роберт Конвей продолжал умолять:

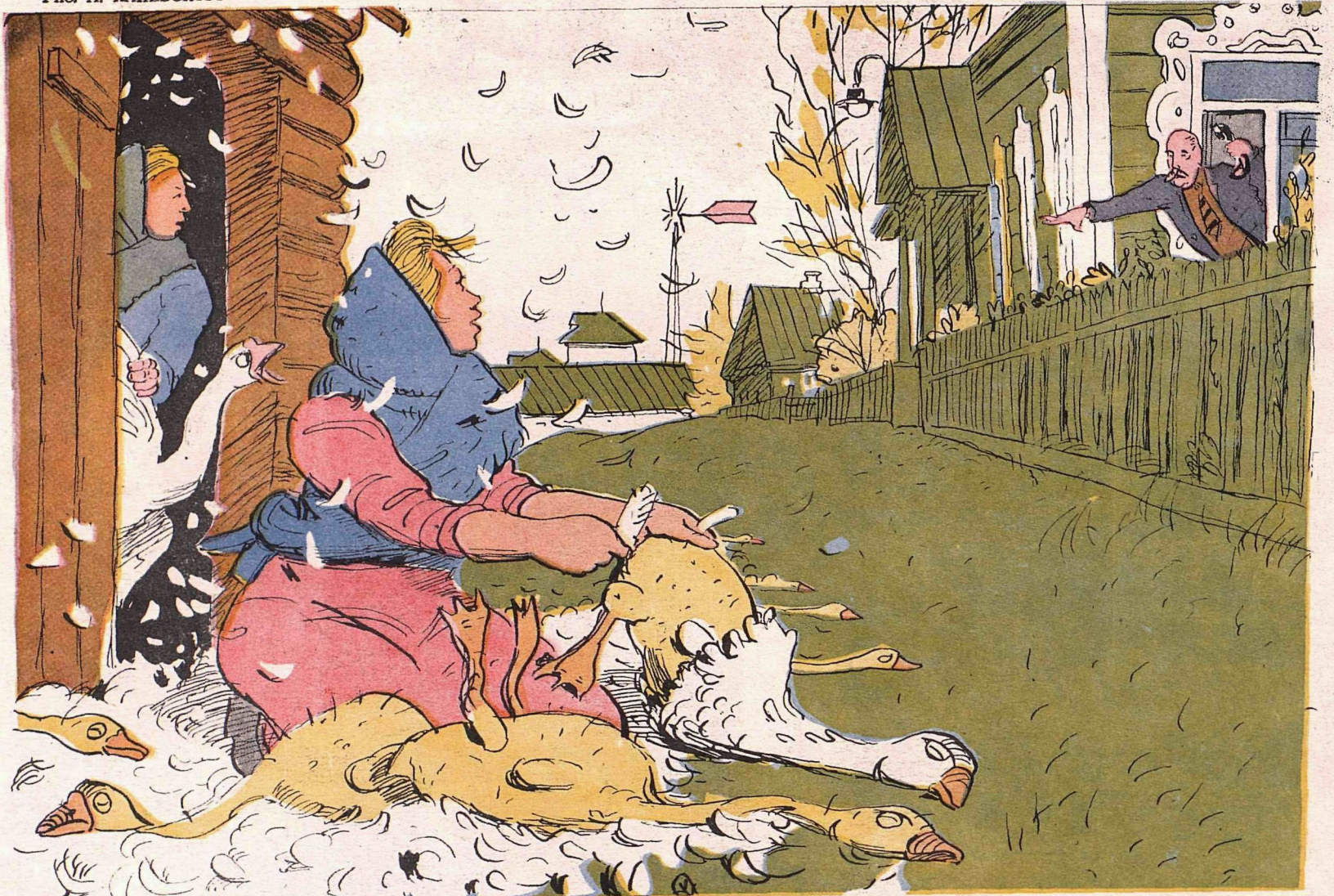
— Подумайте о тридцати тысячах американских семей, которые верили в вас! Подумайте обо всех подписчиках нашей фирмы!

Но «орлеанская дева» осталась холодной, как скандинавский глетчер.

Роберт Конвей, расстроенный неудачей, вернулся в гостиницу и отправил телеграмму, в которой сообщил фирме, что расторгает контракт и просит не считать его больше сотрудником страховой компании.

Акции страховой компании «ЮС Сейвинг Бонз» упали наполовину...

Перевод с немецкого
 А. САМОЙЛОВА

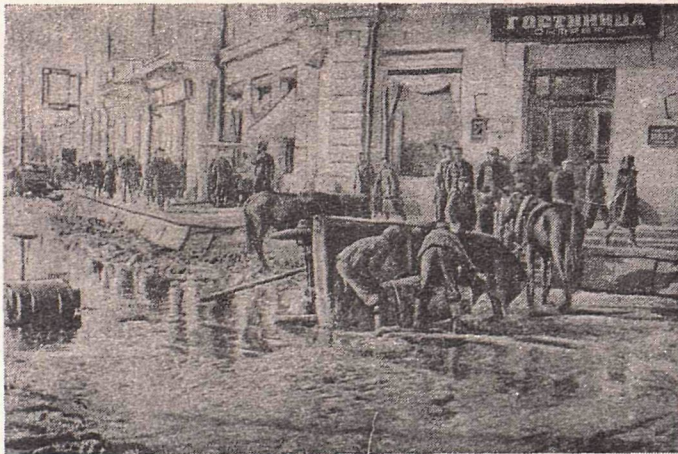

— Отставить! Комиссия задерживается с приездом!

ФОТОВИТРИНА КРОКОДИЛА

ТУМБОСТРОЙ

Снимок № 1 ярко иллюстрирует активную деятельность управления благоустройства г. Омска. По указанию начальника управления тов. Павлусенко на улице у гостиницы «Октябрь» была разобрана мостовая. В данном случае, как нам известно, Павлусенко не явился новатором: блаженной памяти глумовский градоначальник Онуфрий Иванович Негодяев, отмеченный в щедринской описи градоначальников за № 13, также прославился тем, что разобрал вымощенные его предшественниками улицы и из добытого камня настраивал монументов.

Тов. Павлусенко монументов не сооружает. Зато, как сообщает из Омска тов. С. Полянин, со всем пылом отдался восстановлению афишных тумб.

Как жаль, что на этих тумбах нельзя воспроизвести фотографию № 2. Недавно общественность Омска отмечала своеобразный пятилетний юбилей с тех пор, как изображённая тут улица перестала быть проезжей.

Справедливость требует отметить, что лошади (кличка неизвестна), заснятой на фотографии в столь задумчиво-трагической позе, просто повезло. Близкая родственница указанной лошади стала жертвой своей неосмотрительности и бездеятельности управления благоустройства и недавно среди бела дня на глазах беспомощных омичей утонула, провалившись с возом в яму.

В овале мы запечатлели в назидание потомству образ начальника управления благоустройства г. Омска тов. Павлусенко: он взирает на разрушенные улицы города бестрепетно и безучастно, как те тумбы, что так успешно восстанавливает. Пожелаем ему дальнейших успехов на фронте тумбостроительства!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Движимый благими намерениями, Главурс Министерства лесной и бумажной промышленности СССР решил провести двухмесячные курсы повышения квалификации главных бухгалтеров и начальников контрольно-ревизионных отделов. Приехавшие в Москву курсанты в течение первых двух недель в совершенстве изучили помещение Главурса. Никто с курсантами не занимался, к тому же их не обеспечили квартирами. И тогда вдруг в Главурсе спохватились и наспех «организовали» вместо двухмесячных курсов десятидневный семинар.

На мой взгляд, Главурс допустил непростительную рассеянность. Командируемых на курсы надо было заранее предупредить, чтоб они захватили с собой постельные принадлежности и жилплощадь. И ещё: самому Главурсу не мешало бы пройти курсы усовершенствования по организации курсов усовершенствования!

Д. ВЕСЕЛОВ

г. Киров.

Уважаемый Крокодил!

Вот уже девять месяцев мы, именуемые на юридическом языке «ответчиками», обращаемся с апелляционной жалобой к общественному мнению.

«Держать ответ» нам приходится вот за что. В 1935 году мы, тогда ещё не «ответчики», а лишь актёры Театра Ленинского комсомола, были премированы жилплощадью за отличную производственную и общественную работу. Ордер на жилплощадь торжественно вручил нам президиум Октябрьского райисполкома. И обитали мы на ней 14 лет. На 15-м году выяснилось, что наша жилплощадь — не наша, а частного домовладельца. Он подал в народный суд 4-го участка Октябрьского района иск. И суд постановил:

— Ответчиков, то есть нас, выселить. Жилплощадь представить истцу. Обязать жилотдел Октябрьского района предоставить ответчикам, то есть нам, равноценную жилплощадь.

Коротко и ясно. Мы не возражали, так как судья тов. Самолюк дополнительно разъяснил, что выселение может быть произведено лишь одновременно с предоставлением жилплощади. Но судебный исполнитель счёл необходимым выселить нас незамедлительно, через три дня. Судебная коллегия Мосгорсуда согласилась с его толкованием судебного решения. Верховный суд РСФСР признал правильным толкование судьи Самолюка. Тогда коллегия Мосгорсуда... И так далее.

Противоречивыми судебными решениями по интересующему нас, ответчиков, вопросу заполнено внушительное количество писчей бумаги. Но нас эта бумага не устраивает, поскольку в нашем климате сооружение бумажных квартир нецелесообразно. И нам, ответчикам, попржнему грозит выселение.

Но вот на исходе девятого месяца толкований и разъяснений нас осенила догадка:

— Ответчики-то — вовсе не мы, а исполком и жилищный отдел райсовета. Ведь это они торжественно предоставили нам чужую жилплощадь, и им-то вменено в обязанность предоставить равноценную.

Догадаться мы догадались, а что толку?

А. БОБРОВ, В. СТОЛЯРОВ

г. Москва.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В № 22 был опубликован фельетон «Золотой фонтан» — об оперетте, поставленной Ленинградским театром музыкальной комедии.

Приказом Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром оперетта «Золотой фонтан» (музыка С. Заранек и М. Воловац, либретто К. Гузынина и А. Масленникова) с репертуара снята.

В № 24 Крокодил напечатал фельетон «Эрудит» — о плохой подготовке семинара заведующих избрами-читальнями и клубами Березовского района, Воронежской области.

Как сообщает секретарь Воронежского обкома ВКП(б) тов. Жуков, заведующий районным отделом культурно-просветительной работы Осадчий с работы снят.

В заметке «Стеариновая свечка Детгиза», напечатанной в № 20, Крокодил писал об ошибке, допущенной в книге И. С. Тургенева, вышедшей в Детгизе.

Ошибка произошла по вине редактора тов. Летова, которому объявлен выговор.

Редакция Крокодила получила письмо о злоупотреблениях председателя Ст. Кулаткинского исполкома райсовета (Ульяновской обл.) Арсланова.

Письмо было направлено в Ульяновский обком ВКП(б). Факты, изложенные в письме, при расследовании подтвердились.

За злоупотребление служебным положением Арсланов с работы снят и по партийной линии ему объявлен строгий выговор.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, Г. КОРОЛЬКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 786. Подписано к печати 14/X 1949 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А — 09572. Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2605. Тираж 165 000 экз.

Крокодильская МЕСЬ

Рис. С. ВАЙСБОРДА

— Пора бы починить крышу.
— Как же её чинить — ведь дождь идёт!
— Подождите, пока перестанет.
— А тогда зачем?

КРИТИК-ПОДХАЛИМ

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

Перо его лестию дышит.

Рис. И. ФРИДМАНА

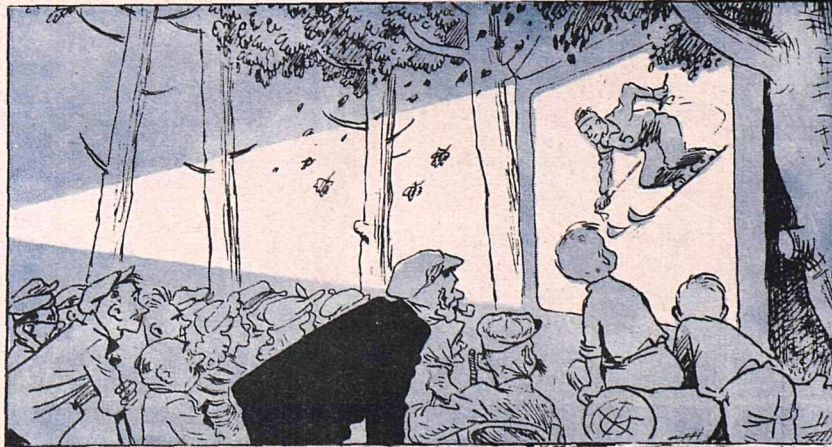
— С одной стороны мне эта книга нравится...

— ...Но с другой стороны...

Зритель видит в кино «последние новости» о весеннем севе во время уборочной кампании, а лыжные соревнования в разгар лета.

(Из газет.)

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

— Уж лучше бы «Новости дня» опаздывали на целый год, а не на полгода. Тогда лыжные соревнования можно будет посмотреть зимой, а не летом.

